

Мария Андреевна Расторгуева

СТИХИ

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
2013

*Книга посвящается моему отцу
протоиерею Андрею Расторгуеву*

Митрофорный протоиерей Андрей Иванович Расторгуев, более двадцати пяти лет – с 1943 года – бывший настоятелем храма Воскресения Христова в Сокольниках в Москве, родился в г. Сенгилее в 1893 году. По окончании Симбирского Духовного училища и Симбирской духовной семинарии в 1914 году он поступил в Московскую духовную академию, которую ему не удалось окончить – после 3-го курса в 1917 году был призван на военную службу. Ему представилась возможность стать военным священником и 19 августа 1917 года он был рукоположен во пресвитера, после чего стал священником одного из пехотных полков.

С 1918 года отец Андрей служил в Покровском соборе г. Сенгилея Симбирской епархии, где с 1922 года был настоятелем в сане протоиерея.

В 1944-45 учебном году преподавал Священное Писание Нового Завета и древнееврейский язык во вновь открытом Православном богословском институте в Москве.

С октября 1951 по апрель 1954 года отец Андрей нес послушание в Берлинской епархии, где вначале был епархиальным проповедником, а впоследствии – настоятелем Воскресенского кафедрального собора в Западном Берлине.

По возвращении в Москву отец Андрей несколько лет был благочинным храмов Преображенского благочиния и состоял членом Учебного комитета при Священном Синоде.

Протоиерей А. Расторгуев имел все священнические награды, а также церковные ордена Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Чехословацкой Православных Поместных Церквей.

Отец Андрей был пастырем по призванию. В последние 20 лет его жизни большинство его сослужителей и те, кто общался с ним, знали его как ревностного служителя и неутомимого проповедника, как человека эрудированного. Его отличали исполнительность, требовательность к себе, доброта и снисходительность к людям. Отличительным свойством его души была глубокая любовь к храму Божию и богослужению. Он почти постоянно пребывал в храме. Прекрасно знал Церковный устав и творчески применял его в повседневной практике. Службы совершал без спешки и суеты. Любил сам канонаршить за всенощной. Во все воскресные и праздничные дни произносил проповеди, выношенные в уме и сердце. В течение ряда лет после вечернего богослужения в воскресные дни объяснил весь Новый Завет на основе святоотеческих толкований. Если отец Андрей был свободен от череды священнослужения, он все равно неукоснительно приходил к началу утренних и вечерних служб, становился на клиросе и читал, и пел.

В течение всей своей жизни отец Андрей не брал отпуска для отдыха, считая, что священнослужитель, только будучи больным, может не бывать в храме.

В последние годы было заметно, что отец Андрей уже начал готовиться к смерти. 22 декабря 1970, в ночь под праздник иконы Богоматери «Нечаянная Радость», отец Андрей, причастившись Святых Христовых Таин, после таинства елеосвящения мирно отошел ко Господу.

(По материалам некролога «Вечная память почившим», «Журнал Московской Патриархии», март, 1971 г., автор – протоиерей Сергей Вишневецкий)

Таким отец был в год моего рождения (1928 г.)

ОТЦУ

Ты во Христа меня крестил,
Когда на свет я появилась.
Христовой истине учил,
Когда толпа над ней глумилась.

Тебя давно на свете нет,
И если мне еще поется –
То потому, что твой завет
В душе навечно остается.

1977 г.

Вскоре после свадьбы. Август 1917 г.

МАТЕРИ

Нежно мать меня любила
И молила сильно Бога -
Счастья для меня просила,
Стоя в церкви у порога.

Я того тогда не знала,
Что счастливее нет доли -
У родителей под кровом
Находиться в Божьей воле.

1977 г.

СЕНГИЛЕЙ

Сен – ги – лей – это звон колокольчика.

Сен – ги – лей – это песнь ручейка.

Это маленький город на Волге,

Где отец мой на свет родился -

У ничем не приметных родителей,

В старобрядческом строгом быту.

Он с младенческих лет был воителем

За свою принадлежность Христу.

Он тяжелый свой крест нес без ропота

И в советском безбожном аду,

Иногда повторяя, лишь шопотом,

Как заветную песню свою:

Сенгилей – это звон колокольчика,

Сенгилей – это песнь ручейка,

Там впервые предстал я пред Господом

В храме, где был престол Покрова.

1989 г.

ОТЦУ

Ты пошел в одиночку,
Не боялся пути.
Был посох надежным,
И крест на груди.

Ты встал очень рано
И увидел зарю -
Пусть хоть ненадолго,
Пусть на самом краю.

И житейские бури,
Черной злобой дыша,
Исчезали в лазури
Вновь рожденного дня.

1973 г.

*Моя мама со своими родителями –
Петром Григорьевичем и Пелагеей Алексеевной (1915 г.)*

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЕДУШКЕ И БАБУШКЕ ПЕТРОВСКИМ

В этом стихотворении нет художественного вымысла даже в деталях. Все описанное – реалии трагического события, которое произошло в селе Репьевка-Космынка Симбирской губернии 3(16) марта 1919 года.

Моя бабушка Пелагея Алексеевна завещала своим потомкам помнить и передавать из поколения в поколение мельчайшие подробности гибели своего мужа – дьякона Петра Григорьевича.

В том девятнадцатом – незабываемом,
Покрылась трупами земля.
По Волге шел отряд отчаянный,
Он назывался – «Бей попа».

Воскресным утром от обедни
Пришел мой дед. Он был уж стар.
И бабушка скорей поставила
На стол кипящий самовар.

Но чай допить вы не успели,
Как постучалась смерть в окно –
«Эй, открывай скорее двери,
Да выходи к нам на крыльцо».

Дрожали старческие руки,
Когда подрясник надевал.
И отдал он себя на муки –
Прощай, родимая – сказал.

А бабушка в окно смотрела,
Как он на талый снег упал.
Как командир в папахе белой
Ему в живот сперва попал.

Они стреляли разрывными
И, выпустив ему кишки,
Потом, наверно, «пожалели»,
Проткнув штыком его виски.

Ну, где взяла ты эту силу :
В последний путь перекрестить,
Взвалить тяжелый труп на спину
И в дом опять его втащить?

И в развороченное чрево
Все внутренности собрала.
Запеленала, как сумела,
Омыла кровь... И замерла...

А из окна виднелась лужа
На сером мартовском снегу –
Святая кровь родного мужа
Еще дымилась на ветру.

И самовар еще дымился...
И в чашках стыл пахучий чай...
А тот, кто утром с ней молился,
Сейчас на лавке застывал.

Отряд куда-то в даль умчался
С веселым криком – «Бей попа».
Народ от страха разбежался,
Попрятались все кто куда.

Лишь дурачок церковный Вася
Решился в горенку войти.
– За что они его, мамаша? --
И поклонился до земли.

А ты, с трудом рот открывая:
– Не знаю, Вася, я сама.
Наверное, за веру в Бога,
За Русь, за русского царя.

И вспомнила, как накануне
Акафист Иверской читал.
Просил Вратарницу Благую
Открыть ему ворота в рай.

1994 г.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Ты можешь распахнуть окно,
Когда на нем узор в решетку?
Ты можешь разомкнуть кольцо,
Когда оно сжимает глотку?

Ты можешь вырвать из руки,
Неумолимой, как начало,
Свинцовой плетки ремешки,
Чтоб надо мною не свистала?

Ты можешь сердце принудить,
Чтобы не плакало, не пело?
Ты можешь тело воскресить,
Когда оно заледенело?

Нет, это может только Бог!
И потому-то, умирая,
Его прошу – Не стою рая,
Но дай забвенья и любви,
И всех прости, и вся прости...

1985 г.

В 1937 году отец Андрей был осужден за неуплату налогов (платить было нечего, так как семья жила в крайней бедности).

После освобождения из лагеря, летом 1942 года, он оказался в г. Кирове, откуда и прислано это письмо.

(Орфография письма сохраняется).

*Милая и безценная, дорогая супруга моя
Екатерина Петровна!*

В знаменательные дни пишу я настоящие строки. 25 лет тому назад в это время я имел счастье получить Твое драгоценное согласие быть моею подругою жизни. Целую четверть века я имел в лице Тебя доброго Ангела Хранителя нашей семьи, верного и неизменного друга, смелого спутника на своей жизненной дороге, вдохновителя моего пастырского служения, идеальную мать наших детей, любящую и любимую дочь нашей милой мамочки и нежную сестру моих родных братьев и сестер.

Оглядываясь назад, на пройденный нами 25-летний путь нашей супружеской жизни, я могу смело и открыто пред всеми свидетельствовать, что я был безмерно счастлив, имея Тебя, моя дорогая, своею женою.

Благодарю Господа Бога за Его безценный дар, ниспосланный Им мне в лице Тебя. Земным поклоном, мысленно целую не только Твои уста, но и руки и ноги Твои, я благодарю Тебя за четверть века Твоего совместного служения со мной Богу и Его святой Церкви, за Твою безпредельную любовь ко мне за счастье, которое Ты мне дала, за все, что можно высказать словами, и что нельзя высказать на человеческом языке.

И я верю и надеюсь, что настоящие годы вынужденной разлуки с Тобою, если они и еще продолжатся, они не поколеблют твердости Твоего духа, стойкости наших общих убеждений, нашего супружеского союза, основанного «не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога» (Иоан.1,13). Можно ль наш тесный союз жизненным грозам порвать? Нет, нельзя!!!

Итак, крепко обнимаю и горячо Тебя целую мысленно вместе с дорогой мамочкой, Кирочкой и Марусенькой, предпразднуя и поздравляя Вас всех с наступающим днем (1 августа) нашей серебряной свадьбы.

Твой неизменно любящий Андрей.

Папа, мама, брат Кирилл и я в 1930 г.

ЛАМПАДА

Вот я опять перед иконой
Лампаду яркую зажгла,
И будто чудо совершилось, -
Я словно в детство возвратилась
И в отчий дом опять вошла.

Какой дом ветхий, бедный, старый,
Но сколько света и тепла.
Какою нежною отрадой
Здесь наполняются сердца...

Отец вошел, благославляя,
На стол просфирку положил.
Какая простота святая,
И сколько непомерных сил.

Благодарю безмерно Бога
За этот яркий огонек,
Что, перед смертью у порога,
Увидеть прошлое помог.

1978 г.

МОЛИТВА

О, Господи, прости меня, -
я мало верю.
Крещусь, целую и любя,
и лицемерю.

О, помоги мне, помоги,
что бы без меры
К тебе я искренне несла
свой Символ Веры.

И руку мне свою простри –
к Тебе взываю.
Я в маловерии своем
изнемогаю.

Мою ты душу воззови
из смрада-тленья.
Дай причаститься ко Христу
в день Воскресенья.

1982 г.

ХРАМ В СОКОЛЬНИКАХ

Прекрасен храм Христова Воскресенья.
Здесь тень отца еще живет.
Здесь все полно святого вдохновенья
И от земного к горнему зовет.

Давно отец ушел в иные дали...
Сегодня я об этом не грущу.
За то, что он служил в прекрасном этом храме
И с нами был – Христа благодарю.

2001 г.

Старые Сокольники

ЗАПРЕЩЕННАЯ ЕЛКА – 1931 год

*(В эти годы украшение елки было
запрещено, как «пережиток прошлого»)*

Плотно окна занавешены
И задраены все щелки,
Чтоб соседи не заметили
Огоньки зажженной елки.

Трепетало сердце детское,
Когда елку украшали.
Да не елку – просто веточки
К длинной палке привязали.

Эти ветки очень тайно
Одна добрая душа
Под покровом темной ночи
Нам из лесу принесла.

В табуретку ель воткнули,
Низ закрыли простыней.
Сверху елка засветилась
Вифлеемскою звездой.

К веточкам огарки малые
Прилепили, как смогли.
Хором все Христа прославили,
Сели кушать пироги.
(Чья-то добрая душа
Помянуть своих родителей
На канун их принесла).

Господи! Прими в селение –
В светло Царствие Твое
Всех, кто нам помог в веселии
Встретить это Рождество.

1987 г.

РОЖДЕСТВО

Пусть в каждом доме
будет Рождество,
И елки все засветятся огнями.
От радости пусть будет
на душе светло –
Спаситель на земле, он с нами!

Да, – С нами Бог! – звенит,
поет земля,
И хоры ангелов Рожденье прославляют!
Пусть сгинет ад, пусть сгинет
ада тьма.
Христос рождением своим
нас всех освобождает!

2011 г.

В ОЖИДАНИИ ПАСХИ

I

*Евангелие от Луки
гл.24, стих 13*

И не ведали двое по пути в Эммаус,
Что у них за спиной был воскресший Иисус.
Только радостно сердце забилося в груди,
Когда третьим пошел с ними он по пути.

А когда в Эммаусе догорела заря,
С преломлением хлеба спала с глаз пелена.
И, как солнце в ночи, засияло окрест
Неподвластное смерти Торжество из Торжеств!

III

В воздухе звон пасхальный -
Ночью воскрес Христос!
Взгляд твой, такой прекрасный,
Снова мне радость принес.

Всюду веселые лица,
Всюду поет весна.
Я за тебя молиться
В церковь твою пришла.

1992 г.

IV

Словно улыбка сквозь слезы -
Солнышко после дождя.
Словно склоненные розы
Над плащаницей Христа.

Как-будто, сквозь злые метели,
К нам вновь постучалась весна,
И в ветвях стареющей ели
Пасхальная песня слышна.

Август 2008 г.

ПАСХА ХРИСТОВА

Нет праздника лучше,
чем Пасха Христа.
Ликует земля
и поют небеса.
И звон колокольный
разносит окрест
О том, что сегодня
Спаситель воскрес.

И люди, встречаясь,
целуясь в уста,
В едином порыве
сливают сердца.
И даже могилы,
где камень и крест,
Тихонько нам шепчут:
– Он, правда, воскрес...

4 апреля 2010 г.

СЕРАФИМО-ЗНАМЕНСКИЙ СКИТ

Средь соснового леса, как указано встарь,
Заложила основу благая Фамарь.
Окрыленная Духом, Его силой полна,
Как жемчужину, церковь воздвигла она.
Ей Святой Серафим в деле том помогал
И достойных сестер ей на помощь призвал.

Жизнь святая в скиту: вся – молитва и труд.
Прославляя Христа, сестры гимны поют.
Но когда над Россией разразилась гроза,
И в святую обитель погибель пришла.
Скит закрыли, глумясь, разогнали сестер...
У разрушенных стен – запустенье и сор...

Но над Духом Святым сила зла не сильна!
Иннокентия-мать в запустенье пришла.
И жемчужина-храм вновь из тлена восстал,
И в красе несказанной опять засиял.
И, дела продолжая, что заложены встарь,
Верим, – с нами незримо святая Фамарь.

2005 г.

ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ СКИТА

Я не достойна радости такой, -
Чтоб наяву увидеть рай земной.
Средь вечных сосен, цветников и роз
Невидимо присутствует Христос.

Какая благодать вокруг и тишина,
И к горним небесам возносится душа,
И церковь белою невестою стоит,
И колокол в тиши лесной звучит.

Бывает миг, когда Господь, по милости своей,
Хоть под конец, хоть при закате дней
Покажет рая светлого лучи,
Чтоб легче было крест к могиле донести.

Так и со мной случилось наяву
В полуразрушенном святом скиту.

2005 г.

Года за два до своей смерти, значит, в 1968 году, отец сказал мне: «Когда ты будешь в Италии, в Риме»... Я с недоумением и испугом посмотрела на него, решив, что он начал заговариваться – в те годы мы жили за «железным занавесом». Он понял мой взгляд, но продолжил: «Ты обязательно будешь в Риме. Прошу тебя – поклонись от меня собору Святого Петра».

В РИМЕ У СОБОРА СВЯТОГО ПЕТРА

Завет отцовский исполняя,
Стою, дыханье затая,
Живая или не живая
Перед святыней Божества.

Апостол Петр протягивает руки,
Меня зовет войти в свой храм,
Забывать свои земные муки,
Вкусить небесный фимиам.

И я за дверью оставляю
Весь груз моих прошедших лет,
К ногам святого припадаю,
И голубиный вижу свет.

Здесь всех любовь соединила
Рукою гения творца.
И руку ту благословила
Святая сила Божества.

Декабрь 2010 г.

В ОЖИДАНИИ СМЕРТИ

I

Я знаю, что мне скоро уходить –
От этой даты некуда деваться,
Но как мне хочется еще любить,
Любить и жизнью наслаждаться.

Не улыбайтесь, глядя на меня.
Вы упрекать меня не вправе –
Я всех хочу любить любовью Христа
И людям гимны петь о Божьей славе.

Я знаю, что мне скоро уходить,
Но сердце еще бьется, бьется...
И Бога хочется благодарить
За то, что мне еще дается.

А мне дается – океан любви,
И свет Христа, не знающий границы,
И радость совершенная в груди,
И за спиною крылья птицы.

Я знаю, что мне скоро уходить
И с близкими навек прощаться.
Но если можно т а м Христа любить,
Я этой даты не должна бояться.

II

И уходя в иные дали,
Я оставляю на земле
Свои заботы и печали
И скуку в будничном труде.

Но дар божественного звука,
Что Небо даровало мне,
Как благодать Святого Духа
Я не оставлю на земле.

III

Я была на могиле отца своего.
Я грустила о том, что навеки ушло.
Я холодный гранит согревала рукой,
И стоял предо мной мой отец, как живой.

Я грустила о том, что навеки ушло,
Что могильной травой навсегда заросло,
Что мне песен не петь и стихов не писать -
Наступает пора и самой умирать.

1997 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ ОТЦУ

Ты ушел в воспоминанье
Преисполненный страданья,
Весь из света и сиянья,
Полон Веры и Любви.

Ты ушел не побежденный
Веком подлости и лжи.
Бескорыстный, обновленный
Был примером доброты.

Ты ушел благославляя,
Должникам долги прощая,
Завещая нам в наследство
Только Веру и Любовь.

И для нас придет прощанье
С этой жизнью земной.
Мы в надежде упованья
Снова встретиться с тобой.

Ноябрь 2009 г.

О ВОЙНЕ

Я о войне не понаслышке,
О ней читала я не в книжке.
Когда подростком я была,
Она, как танк, по мне прошла.

Я помню страшный звук сирены,
От бомб колышется земля,
Убежищ отсыревших стены...
Где вся страна?.. И где семья?

Я помню немцев шаг печатный
По нашей русской мостовой.
Их вид надменный и нарядный –
Для нас враждебный и чужой.

Я помню холод, холод, холод,
Ночей морозных забытье;
Я помню голод, голод, голод -
И голод был страшней всего.

И вот теперь, когда седая,
И у могилы на краю,
Кошмар военный вспоминая,
Простую истину скажу.

Всего важней – кусочек хлеба,
Вражду на дружбу променять,
Полоска голубого неба,
А в небе – Божья благодать!

2005 г.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Брату Кириллу

Отец в тюрьме, а сын на фронте –
Вот ситуация была!
Сын защищает своим телом
Страну, где мучают отца.

В крови, в дыму, в огне пожарищ
Сын прошагал немало верст.
Ну, кто дороже: край родимый
Или отец? Вопрос не прост!

Наверное, отец в застенках
Молился сильно за сынка.
И от измены, и от плена
Молитва воина спасла.

И долгожданную свободу
Победа миру принесла.
Отец и сын теперь в могиле,
А над страной цветет весна.

23 февраля 2010 г.

*ПУСТЬ ПРОХОДЯТ
ГОДА...*

ЛОРЕЛЯЙ

Школьный перевод стихотворения Гейне

Почему всегда тоскою полнится душа моя,
Когда в воспоминании песня встает одна?!

Вечер на землю спустился,
Рейна был тих простор,
Солнца закат золотился,
Алели вершины гор.

На самой высокой вершине
Дева сидела одна,
Полна неземной красотой,
Тоски непонятной полна.

И чудные волосы дева
Златым гребешком убирала,
А в песне ее чудесной
Тихо тоска звучала.

Рыбак в своей лодке утлой
Той песнею был пленен.
Про рифы на дне забывая,
Всем сердцем стремился к ней он.

Я знаю, погибнет, плывущий
К той деве, в волнах реки.
О, не внимайте той песне
Вечерней порой, рыбаки.

1947 г.

БОЛЬНОЙ МАЛЬЧИК

Школьный перевод стихотворения Гейне

Убрались деревья в разные цвета,
По небу, по синему ходят облака.
В высоте, украшенной зеленью ветвей,
Песнь свою прекрасную свищет соловей.
А внизу под деревом, точно на ковре,
Белые ягнята прыгают в траве.
И кругом все весело, все весной полно,
Только мне со всеми петь не суждено.
В стороне лежу я, но душа полна
Звуками чудесными, как сама весна.

1947 г.

С. К.

Ты рядом с Богом на амвоне,
В твоих руках горит свеча,
А я в толпе, а я в народе,
Так бесконечно далека.

Но минут годы, и незримо
Ты будешь мил мне без конца,
Как светлый образ херувима
Вблизи воскресшего Христа.

1943 г. (15 лет)

С. К.

Мой любимый печален и тих.
Я тихонько к нему подойду,
Огоньком меж ресниц золотых
Отраженьем в глазах промелькну.

Я к ногам упаду, как цветок,
Что сорвал ты весной на заре.
У заутрени светлой свечой
Загорюсь в твоей нежной руке.

Я люблю, я люблю, я люблю –
Безответно – на веки одна.
Не печалюсь, не злюсь, не сержусь...
В этом тайна и радость моя.

1945 г.

С. К.

Я вспоминаю... Все, что было,
Подвластно памяти людской.
Ах, если б вспомнить, что не было,
Что было лишь моей мечтой.

Твоих бы губ прикосновенье,
Твоих бы нежных рук тепло...
Хоть на короткое мгновенье...
Увы! Мне это не дано.

Вся эта быль и эта небыль,
Как паутиной обвила,
И даже в самый яркий полдень
Счастливой быть я не могла.

За поэтические бредни,
Как иерей мне отслужи,
Заупокойную обедню
Несостоявшейся любви.

1973 г.

К ТЕБЕ

С. К.

Смешно, мои стихи «К тебе»
Тебе и не нужны.
Слова мои о той весне
Теперь уж всем смешны.

А я на склоне своих дней
Пишу все об одном –
О белой церкви у реки,
Где сумрак голубой.

О милом принце в стихаре,
В мерцании лампад.
Все о тебе, все о тебе,
Как много лет назад.

1995 г.

ДОЧЕРЯМ

Я бы сердце вырвала наружу
И, как Данко, бросила во тьме,
Чтобы вам в любую темь и стужу
Поуютней было на земле.

1961 г.

МУЖУ ГЕННАДИЮ ДМИТРИЕВИЧУ

Потемнел небосвод,
Ветер душу знобит.
Милый друг, нежный друг
На меня не глядит.

Не сердись на меня
И не хмурь, друг, лица.
Ты ведь знаешь давно,
Что люблю я тебя.

Мне с тобой хорошо,
Мне с тобой так тепло.
Все печали ушли
Далеко, далеко.

Слухам ложным не верь,
Все сомненья гони,
Я с тобой, я твоя
И на многие дни.

Посветлел небосвод,
Снова солнце блестит,
И любовью большой
Мое сердце горит.

1949 г.

НОВЫЕ РИФМЫ

Вот на небе звезды горят, как лампадки,
А мне б от себя убежать без оглядки –
– Порвать все препоны.
А старость к земле плечи гордые гнет,
А сердце, хоть плачет, но все же поет -
– Услышать бы звоны.

Ах, если бы время назад повернуть,
Наверно, другой бы я выбрала путь -
– Порвать все препоны.
Другую себе я открыла бы дверь,
И не было б в жизни так много потерь -
– Услышать бы звоны.

1998 г.

ПОДРАЖАНИЕ БЛОКУ

Я иду по дороге – сердце песню поет,
Заколдованных лилий предо мной хоровод.
Ну, совсем, как у Блока, вдруг раскрылись глаза –
Полны ангельских крылий надо мной небеса.

Да ведь это картошка в огороде цветет...
Это пыльная мошка предо мною ползет...
Все прекрасно у Бога, только знай – принимай,
Только душу для Бога поскорей раскрывай!

А дорога все вьется, все куда-то зовет,
От родимого дома в край другой приведет,
Где, как в песне у Блока, – нежных лилий леса,
Где зарю золотую дарят нам небеса.

1996 г.

А. П. ЧЕХОВУ

Ты полон доброты
И к людям сострадания.
Источник чистоты –
Пример для подражания.

2010 г.

А. С. ПУШКИНУ

Твои стихи мне скрашивают старость,
И в пасмурные дни я черпаю в них радость.
Как солнцу по утрам, с тобой я встрече рада -
Твои стихи для нас и крепость, и ограда.

2010 г.

**ЗИНАИДЕ ПАВЛОВНЕ СМИРНОВОЙ
В ДЕНЬ 60-ЛЕТИЯ**

Ах, Преображенка –
    маленькие домики,
На диванных полках
    беленькие слоники.
Помнишь, моя Зина,
    как давно когда-то,
Мы с тобой сдавали
    экзамены в десятом?
Утекло с поры той
    вод в реке немало,
Ну, а дружба наша
    только крепче стала.
И горести, и радости –
    их в жизни много было –
И ты, душа открытая,
    со мною их делила.
Уж третье поколение
    моей большой семьи
Имеет утешение
    в лучах твоей любви.

Сегодня всей семьёю
мы в дом к тебе пришли,
И наше поздравление
тебе мы принесли.
Желаем много счастья,
внимательных друзей,
Чтоб не было болезней
в чреде грядущих дней.
Чтобы была веселой
и ласковой всегда,
И чтобы не боялась
беде глядеть в глаза.
За это поздравление
мне рюмочку налей -
Я не могу придумать
конца повеселей.

октябрь 1988 г.

ВЕЧЕРНИЙ РОМАНС

Полоска алая зари,
Куда зовешь? Куда ты манишь?
Меня ты больше не обманешь,
Полоска алая зари.

Не говори, не говори о том,
Что сердцу было мило.
Погасло яркое светило.
Твои последние лучи
Уж не разгонят ночи тьмы,
Полоска алая зари.

Полоска алая зари,
Зачем ты вновь заморозила? -
Все сердце бедное забыло.
Гони скорей свои лучи
За горизонт моей души,
Полоска алая зари.

2003 г.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Любовь душу я на корню,
Что прорасти вдруг захотела,
Ведь надо штопать на ходу
Свое стареющее тело.

И все же, тихо угасая,
У самой бездны на краю,
Я свет потерянного рая
В твоей улыбке нахожу.

2005 г.

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Веселый снег валяется повсюду,
И солнечные блики на стекле.
И хочется опять поверить чуду...
Да вот, герань засохла на окне.

2005 г.

ОСЕНЬ

Ветер гонит желтую листву,
Вот еще одно уходит лето.
По аллее парка я бреду
Солнцем осени еще пригрета.

Сквозь листвы осеннюю канву
Небо надо мною голубеет.
Вспоминаю тех, кого люблю,
Новый стих рождается и зреет.

Благодарна, что на склоне лет
В сердце и душе стихов так много.
И, встречая жизни новый день,
Вновь в молитве прославляю Бога!

2005 г.

МНЕ ХОРОШО, КОГДА...

Мне хорошо, когда я закрываю дверь,
И одиночество – совсем не скука.
И, как ни странно, только лишь теперь
Мне открывается земных чудес наука.

Мне хорошо, когда я закрываю дверь,
И все мне чуждое за дверью остается.
Пусть я стара, и множество потерь,
Но рифма так легко из сердца льется.

И музыка стихов моих звучит,
И от земли уносит и пленяет,
И сердце Бога вновь благодарит
За то, что он меня не покидает.

Июнь 2008 г.

Я КЛЮЧ ОТ СЧАСТЬЯ ОТДАЛА

Ключи от счастья мне вручили,
Сказали тихо – приходи,
И сердце, будто на кручине,
Стучит испуганно груди.

Я знаю точно – не приду,
Заветной двери не открою,
И слово нежное – люблю -
В душевной глубине зарюю.

Сама в себе я не смогла
Преодолеть свои тревоги,
И ключ от счастья отдала
Кому-то на большой дороге.

Январь 2009 г.

II

Ну, тешь себя несбыточной мечтой -
Ну, что тебе еще под старость остается,
Когда над вымыслом своим,
Старуха плачет и смеется!

III

Я от солнышка прячусь,
А дождя не боюсь.
Я от радости плачу,
А над горем смеюсь.

2009 г.

РУССКИЙ РОМАНС

Пусть проходят года,
Пусть проходят века,
Пусть меняются музыки звуки,
Но останутся в наших сердцах навсегда
Русских песен сердечные муки.

Этот русский романс!
Он весь мир покорил.
В нем и радость,
И слезы разлуки.
Этот русский романс
Людям счастье дарил,
Когда с Родиной
Были в разлуке.

Пусть проходят года,
Пусть проходят века,
С нами он навсегда остается,
И капризная мода ему не страшна –
Он, как Волга-река, вечно льется.

Октябрь 2009 г.

МАСЛЕНИЦА

Повелось еще встарь
у славянских племен –
В ожиданьи весны –
зиме низкий поклон.

Хороводы и песни
повсюду слышны.
В каждом доме на стол
подаются блины.

Это символ весны,
это солнышка свет,
И от теплого лета
добрым людям привет!

2010 г.

БЕССОННИЦА

Пока не поглотила ночь
Мое убогое сознание,
В себе стараюсь превозмочь
Я старой плоти мудрование.

Еще ищу в созвучье слов
Я прошлой жизни оправдание,
И, отгоняя страхи прочь,
Благодарю дня сияние.

2010 г.

ЧТО ХОТЯТ ВИДЕТЬ В СТАРОСТИ ГЛАЗА

Что хотят видеть в старости глаза?

- В пушистых облаках родные небеса,
И как камыш качается в пруду,
И вишню под окном в цвету.

Что в старости хочу я услышать?

- Колоколов церковных благодать,
И пенье птиц, и смех детей,
И шепот ласковый ветвей.

Что не хотела б я не видеть никогда:

- Как разрывается от бомб родимая земля,
Как мать кричит, в руках держа дитя,
Которое не видит ничего,
быть может, только Бога одного.

Март 2011 г.

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

В Кремле раздается торжественный звон –
Кириллу и Мефодию от славян поклон.
Они из тьмы веков воззвали,
И азбуку для нас создали.
И наш талантливый народ
От братьев греческих – вперед
Шагнул, и показал народам мира
Свою культуру, письмена
И поэтическую лиру.
Осанна братьям и хвала!

24 мая 2011 г.

ВЕСНА В СТАРОСТИ

Вот, пришла весна.

После зимних бурь
Бьет в мое окно
Вешняя лазурь.

Вот и месяц май

К нам стучит в окно.
На душе моей
Тихо и светло.

И на склоне лет

Любишь все сильнее
Этот шум листвы,
Эту тишь полей.

В старческой крови

Вешнее тепло,
Музыка стихов
Льется так легко.

И мои стихи,

Словно ветерок,
Словно жизни всей
Пройденной итог.

Весна 2010 г.

*ИЗ КЛАДОВОЙ
ПАМЯТИ*

О своей родословной отец рассказывал так (записано моим братом Кириллом в 1955 году):

Отец – Расторгуев Иван Иванович (1861-1915), житель г. Сенгилея, Симбирской губернии. Торговец зерном и мукой, владелец небольшой гостиницы с трактиром, агент страхового общества «Россия», домовладелец, директор городского банка, член уездной Земской Управы и церковный соборный староста. В малолетстве остался круглым сиротой, воспитывался в семье родственников Меркуловых. Жена его Мария Андреевна, урожденная Кашинцева (1867-1950).

Дед – Расторгуев Иван Яковлевич (1830-1862). Хлебный торговец. Жена его Прасковья Кузьминична, урожденная Меркулова.

Прадед – Яков Осипович, жена его Параскева. Единственный крепостной своего барина (болярина Димитрия, как было записано в старинном семейном поминании), переселившийся в Сенгилей со своим хозяином из северных краев, «с верхов». Барин, не имея детей, умирая, дал Якову Осиповичу вольную и оставил свое небольшое имущество, велел после его смерти заняться торговлей, и в вольной дал ему новую фамилию – Расторгуев, хотя до этого Яков Осипович был Сыромятников.

Родители Якова Осиповича известны только из старинного семейного поминания. Имена их Иосиф и Ирина.

Мой отец был не первым ребенком в семье, однако из оставшихся в живых – старшим. До него у родителей была девочка, которая, будучи совсем крошкой, любила танцевать. Родителям это нравилось и малышка танцевала и перед родителями, и перед гостями, показывая свой «талант».

Случилось так, что девочка умерла, родители решили, что Господь наказал их за эти танцы и дали обещание, что если у них родится еще ребенок – они посвятят его Богу. И в 1894 году, летом у них родился сын Андрей. Точной даты его рождения мы не знаем. День Ангела он отмечал 17 июля в день памяти святителя Андрея Критского.

Недавно мне позвонил нынешний настоятель Сокольнического храма, отец Александр, и сказал, что ему удалось установить дату рождения отца Андрея – 14 июля. Спасибо ему!

В нашей семье передается такая история: нянька с маленьким Андрюшей на руках стояла у ворот. Мимо шел странствующий монах, остановился, разговорился с нянькой и сказал: «Этот мальчик, когда вырастет, станет священником и первая его самостоятельная служба будет в храме великомученика Димитрия Солунского». И в знак

*Родители отца Андрея –
Иван Иванович и Мария Андреевна*

*Андрей Расторгуев,
учащийся Симбирской
Духовной семинарии*

*Андрей Расторгуев
в годы учебы в Московской
Духовной Академии*

этого благословил младенца небольшой иконкой святого, которая потом долгие годы стояла в киоте в доме Расторгуевых в Сенгилее, а в революцию пропала.

Рукоположили Андрея Ивановича в августе 1917 года и он был направлен полковым священником в 106 Уфимский полк. Далее передаю словами отца Андрея: «Схожу с поезда, встречает солдатик на телеге. Сели, поехали. Еду и думаю – первая часть предсказания сбылась. Спрашиваю солдата: «Братец, а когда у вас Престол бывает?». Он отвечает: «На Митрия Солунского».

Димитрия Солунского Андрей считал своим небесным покровителем, тем более, что храм в селе Горюшка, в котором он был настоятелем в 20-е годы, также был посвящен Димитрию Солунскому.

Над детской кроваткой маленького Рюши (так его ласково называли близкие) находилась икона преподобного Сергия Радонежского с житием и малыш, когда его спрашивали, где и что делает преподобный, всегда правильно показывал пальчиком, еще не умея говорить.

Мальчик рано научился самостоятельно молиться, в церковь ходил с охотой. Его мать, Мария Андреевна, вспоминала, что как-то собирались утром идти к причастию, и она решила его пораньше разбудить. Заходит в его комнату, а он уже стоит, читает Правило к Святому причащению.

В комнате его всегда было очень чисто и аккуратно, он сам убирал постель.

Многие молитвы в раннем возрасте знал наизусть. Даже игры были связаны с церковью: Андрей произносит ектению, а младший брат Женя поет: «Господи, помилуй».

А ведь семья была купеческая, откуда бы такая любовь к церковной службе?

Фруктовый сад у Расторгуевых был на берегу Волги, довольно далеко. Как-то поехали туда на свежем воздухе отметить какой-то праздник, а когда ехали обратно через город, веселились, пели песни. Мальчик Андрюша соскочил с телеги и пошел домой пешком. А потом сказал своей матери такие слова: «Ты – мать будущего священника – вина напилась и песни пела. Неужели тебе не стыдно?». Было очень стыдно – такими словами заканчивала этот рассказ моя бабушка Мария Андреевна, уже будучи глубокой старушкой.

Любил выпить мой дедушка Иван Иванович. Когда в доме ждали гостей и накрывали столы, бабушка закрывала его в кабинете на втором этаже, чтобы до прихода гостей он не «напробовался» разных напитков. Это не всегда помогало – дедушка спускал из окна на веревке корзину и дворник Прокопий клал в нее заветную бутылочку.

Возможно, насмотревшись на своего отца, папа в молодости дал зарок, что до сорока лет рюмку в руки не возьмет. Свое обещание он выполнил, но и после 40 лет не имел склонности к вину. Моя мама вспоминала, что свадьба их была безалкогольной, на столе не было даже слабых напитков.

Иван Иванович, будучи по сенгилейским меркам человеком очень зажиточным, настаивал на том, чтобы сын сначала получил достойное светское образование, но Андрей Иванович все же поступил в Симбирскую Духовную Семинарию. Жил и кормился у священника Прозорова. Семинаристы Андрея недолюбливали и не упускали возможности

его поколотить – их раздражало, что он, имея материальную возможность получить любое образование, поступил в семинарию, где они, дети церковнослужителей, учились по необходимости, не имея средств учиться в другом месте.

Дедушка Иван Иванович в 1914 году умер от заражения крови, ему неудачно вскрыли нарыв. Бабушка, овдовев, все хозяйство взяла в свои руки, незадолго до революции даже собиралась пустить по Волге собственный пароход, но после октябрьского переворота у нее все отобрали, последними деньгами Мария Андреевна откупила из большевистской тюрьмы сына Андрея, осталась нищей. Детей у нее после многочисленных родов в живых осталось шестеро – четыре сына и две дочери, но два сына трагически погибли в первые годы революции. Жила она, после того как большевики ее выгнали из дома, в нашей семье, деля с невесткой и внуками все невзгоды. Умерла она в 1950 году, в Москве, похоронена на Преображенском кладбище. Отец Андрей очень любил свою мать, несмотря на ее суровый нрав, и пока он имел возможность иметь письменный стол, на нем находилась ее фотография в серо-синей рамке на витиеватой золотистой подставке.

В учебе отец всегда был вторым по успеваемости. Он говорил, что Господь никогда не давал ему быть первым, чтобы он не зазнавался.

В 1914 году он поступил в Московскую Духовную Академию, где удивлял преподавателей своей феноменальной памятью – он обладал способностью, прочитав, точно запомнить текст, и в своих ответах и работах приводил цитаты, которые преподаватели сверяли с печатными текстами, но никогда не находили неточности.

Преподаватель по гомилетике – науке о христианской церковной проповеди – был очень строг, получить хорошую оценку у него было трудно, отличные – у него имели только Расторгуев и Колчицкий, который поступил в Академию годом ранее. Оба они, будучи настоятелями один Сокольнического, другой Елоховского Богоявленского собора, славились потом в Москве своим талантом произносить проповеди.

В связи с тяжелым положением на фронте – шла Первая Мировая война, в начале 1917 года из Академии призвали в армию студентов, не имеющих жен и не принявших иночество или монашество. Отец попал в школу прапорщиков в Петергофе под Петербургом.

Окончив ее, он отказался брать в руки оружие, а просил отправить его на фронт священником, в чем ему упорно отказывали. Со своим прошением он дошел до высших чинов Священного Синода. Просьба его была удовлетворена и ему дали отпуск для вступления в брак (священником мог стать только женатый человек).

Он приехал в Сенгилей и 1 августа 1917 года обвенчался с дочерью сельского дьякона Екатериной Петровной Петровской. Еще в семинарии отец подружился с ее братом Сергеем Петровичем. И он, и его сестры, приезжая в Сенгилей, останавливались в доме Расторгуевых, но, как вспоминала мама, ей в голову никогда не приходило, что красивый, высокообразованный Андрей Иванович, завидный жених для многих богатых образованных сенгилейских невест, может обратить внимание на нее, дочь бедного сельского дьякона, сельскую учительницу. Никогда за ней он не ухаживал, никаких знаков внимания не проявлял,

*Моя мама Екатерина
Петровна Петровская
до замужества*

но ему очень нравилось, что его младшие братья и сестры нежно любят Катеньку.

Мама вспоминала, что ей дали место учительницы в каком-то очень дальнем селе Симбирской губернии. Она отправилась в путь. Ехали уже не первый день, когда их нагнало известие от брата Сергея Петровича: «Срочно возвращайся, тебе сделано интересное предложение». Мама обрадовалась, она решила, что ей предложили место учительницы ближе к родительскому дому.

Папина мать – Мария Андреевна (я названа в честь нее) была недовольна выбором сына – мезальянс, но всю свою жизнь прожила не с другими своими детьми, а в нашей семье и уже перед смертью как-то сказала: «Катя, какая же ты хорошая», на что стоявший рядом папа ответил: «Сколько же лет тебе понадобилось, мама, чтобы это осознать!».

Отец брал благословение на брак у своего духовника старца Алексея в Гефсиманском скиту при Троице-Сергиевой лавре. Старец благословил и сказал: «Недавно у меня был Коля Колчицкий со своей невестой. Такая красавица. У него будет Варвара прекрасная, а у тебя Екатерина вечно чистая».

В середине августа папа принял священнический сан и отправился на фронт священником 106 Уфимского пехотного полка. Началось его служение Богу.

Как-то отец сказал мне: «Если бы я был так же богат, как и до революции, то не брал, а сам отдавал бы в церковь деньги за то, что мне позволено служить».

Но на долгие послереволюционные годы уделом нашей семьи стала нищета.

Первый раз отца арестовали 18 марта 1918 года за «отказ

*Покровский собор г. Сенгилея. Фото 1914 г.
Затоплен при создании Куйбышевского водохранилища*

содействовать советской власти» – он вместе с настоятелем Покровской церкви в Сенгилее спрятал на колокольне ценные церковные предметы, необходимые для богослужения, которые новая власть решила национализировать.

Второй раз его арестовали так же в Сенгилее за то, что во время белочешского восстания он для чехов прочел лекцию о их национальном герое Яне Гусе. Красные, взявши власть в городе, забрали отца в числе других именитых горожан в заложники и долго не отпускали. За освобождение с его матери потребовали 75 тысяч рублей, которые она отдала, но проявила благоразумие и попросила расписку. Отца освободили, а через некоторое время снова потребовали 75 тысяч, говоря, что есть решение на взыскание денег. Вот здесь и пригодилась расписка. Оказалось, что чекист, получив деньги, сбежал.

После этого в семье денег не осталось.

Гражданская война, аресты, тиф, две беременности и смерть сыновей вскоре после родов, зверский расстрел большевиками отца моей матери – дьякона Петра Григорьевича – такими были первые годы совместной жизни моих родителей. Но есть и большая радость – появление на свет 13 августа 1921 года сына Кирилла.

В середине 20-х годов все имущество Расторгуевых конфисковали и выселили их из дома, в котором расположились на одном этаже милиция, на другом – НКВД.

Отец Андрей с женой и сыном переезжает под Сызрань в село Горюшка. Здесь отца ждет еще один арест, за то, что собирал у себя дома детей и учил их Закону Божиему.

В Горюшке у них рождается дочь Мария, которая умерла в возрасте около двух лет в Сызрани, куда отец получил назначение настоятелем Покровской церкви.

Здесь же, в Сызрани 14 марта 1928 года родилась я. Назвать меня собирались Антониной или Александрой, но мой брат Кирилл думал, что снова родилась его сестричка, которая умерла, и всем радостно сообщал: «А у нас Манечка родилась». Так я стала Марией.

Первые мои детские воспоминания – ожидание праздника: по вечерам в доме собирались женщины и делали искусственные цветы для украшения церкви. Всюду стружки, цветная бумага, листочки. Мама с прихожанками делают цветы, папа читает отцов церкви или ведутся беседы на религиозные темы. Перед праздником всё несли в храм, украшали иконы.

И первая Пасха, которую я помню. Утро первого дня Пасхи, папа в белой рубашке сидит на крыльце, брат и я сидим чуть пониже. Папа объясняет мне, что сегодня здороваются не так, как всегда, сегодня надо сказать «Христос воскрес!» и ответить «Воистину воскрес!». На душе у меня так хорошо! Такое ощущение праздника, радости, света! Во двор заходит сосед, христосуется с отцом. Следом за ним под забором пролезает его большая черная собака. Той радостью, которая переполняет меня, я готова поделиться с кем угодно. Я обнимаю собаку, целую ее в мокрый нос: «Собачка, собачка, Христос Воскресе!». «Папа, какая Манька глупая, она с собакой христосуется» – смеется мой брат Кирилл. «Не смейся, она права – сегодня вся тварь радуется».

Еще запомнились постоянные переезды. На квартиру пускать не хотели, боялись. Какая-нибудь сердобольная женщина пустит к себе, потом: «Батюшка, съезжайте, меня дети ругают, что я вас поселила». Помню голод и холод. У

папы не было пальто. У мамы с братом были одни ботинки на двоих, так что на улицу выходили по очереди.

Помню, как у нас забирали имущество за неуплату налогов. Отбирали все, до последней чашки-ложки. Когда стали выносить мой матрасик, я горько заплакала и все просила его не забирать. Не выдержал возница: «Да оставьте вы ребенку матрасик – и в сердцах добавил инспектору – сам вещи выноси, сам лошадь веди». Матрасик оставили. Самую необходимую вещь, самовар, прятали у хозяев. Потом добрые люди приносили нам кто что мог.

Надо сказать, что выжили мы в это тяжелое время только благодаря людской доброте, ведь карточек на продукты нам не давали – как члены семьи священнослужителя, мы были «лишенцами», то есть людьми, лишенными всех гражданских прав.

Мама попала в больницу с сильным кровотечением, нужно было как можно быстрее делать операцию. Перед операционной она провела почти весь день – подойдут, посмотрят: «Жена священника?! Пусть лежит». Никто не хотел оперировать. Наконец, подошел врач, осмотрел,скомандовал: «В операционную». Мама ему: «Я ведь жена священника». Прооперировал. Мама до самой своей смерти поминала его, так как считала, что он спас ее от смерти, не оставив умирать у дверей операционной.

В начале 1935 года переезд в г. Александров. В Сызрани на вокзале провожающие нас женщины плачут. Я про себя удивляюсь: слезы у них льются из глаз, а вытирают они почему-то носы.

В Александрове папа служил в кладбищенской церкви, жили мы в половине кладбищенской сторожки. В школе я

еще не училась, ни подруг, ни игрушек у меня не было. Придумала себе занятие – убирать заброшенные могилы. Из другого города приехала женщина, удивилась, что могила сына, на которой давно никто не был, прибрана. Расспросила людей, ей рассказали, кто убирает, и она принесла мне игрушки.

Но, несмотря на нашу бедность, к каждой Пасхе и к каждому Рождеству мама шила мне платье. Не из нового – люди отдавали старые вещи и мама перешивала, перекраивала, перелицовывала. Папа говорил, что в годы нищеты не только все его вещи – от церковного облачения до нижнего белья были сшиты руками его жены, но даже и тряпичные ботинки на толстой тряпичной подошве, правда, на них были надеты калоши.

Мама в храме делала все: пела на клиросе, читала, пекла просфоры, убирала, мыла полы, чистила снег. И никогда не упрекнула своего мужа ни за голод, ни за нищенство. А ведь было и такое, что ей приходилось просить у людей хоть что-нибудь, чтобы накормить детей. Она вспоминала, как одна женщина, к которой она пришла домой с такой просьбой, ответила: «Никогда не поверю, матушка, что у вас детей кормить нечем. Если хотите, возьмите картофельные очистки, вон для свиньи лежат». Мама взяла, промыла, сварила. И к свекрови она относилась с любовью. Другая бы сказала: «Пусть едет к своим дочерям». Нет, никогда она такого не произнесла.

В конце 1935 года папа получил место настоятеля в соборе г. Орехово-Зуево. Жизнь наконец-то изменилась в лучшую сторону, главное, мы перестали голодать.

В Орехово-Зуево мы с братом очень тяжело болели скар-

латиной. Тогда от этой болезни часто умирали. Папа не спал, целыми ночами молился в алтаре. Вымолил.

Через год мы переехали в Калугу.

Папина церковь находилась недалеко от базарной площади. Пошел он как-то в соседний храм, в рясе, с крестом и меня ведет за руку. Идем мы с ним через площадь, а навстречу нам пионер в галстуке, на голове красная «испанка», остановился, подбоченился и с ухмылкой произнес: «Пошел поп по базару поискать кой-какого товару...», а папа продолжил: «А навстречу ему балда, идет сам не зная куда». По-моему, пионер был поражен, что поп знает Пушкина.

В Калуге я пошла в школу. Когда пришло время вступать в пионеры, отобрали четырех лучших учеников, в том числе и меня, нам раздали листочки – торжественное обещание пионера, и велели выучить наизусть. Слов нет, как я обрадовалась, очень мне хотелось стать пионеркой и ходить строем под стук барабана. Дома я показала листочек отцу и поделилась радостной новостью. Он сказал, что ничего против пионеров не имеет и я могу вступить в пионерскую организацию, если мне так хочется, но я должна знать, что, если стану пионеркой, то в семье как и прежде будут заботиться обо мне, кормить, одевать, но благославить меня отец не сможет никогда, и в церковь я ходить не смогу, и праздники церковные отмечать не буду – ведь пионеры в Бога не верят и борются с Церковью. «Так что решай сама, что для тебя важнее – Бог и мое благословение или пионерская организация» – закончил наш разговор отец. Честно сказать, непросто далось мне это решение, уж очень мне хотелось в пионеры. Но, тем не менее, я перед всем классом сказала, что отказываюсь от

этого, так как я дочь священника и верю в Бога, а пионер в Бога верить не должен.

Похожая история произошла с моей младшей дочерью Наташей, когда она училась в 10 классе, значит, в 1975 году. На одном из уроков она отвечала на тему, связанную с религией. В процессе ответа учительница спросила её: «А ты в Бога веришь?». Со слов дочери знаю, что была мучительная для нее пауза, когда она колебалась и не знала, что ответить, но все же сказала: «Да. Верю». Что тут началось... Ее прорабатывали на собраниях, вызывали в школу и прорабатывали меня. На последней встрече с директрисой, когда она кричала на меня, что это позор, что современная комсомолка не может верить в Бога – это мракобесие, я ответила: «Да, наша семья верующая, но моя дочь десять лет ходит в вашу школу и вы ее десять лет пичкаете атеистической пропагандой. Разве я виновата, что влияние дедушки, который умер несколько лет назад, сильнее, чем весь ваш атеизм?!». В ответ я уже ничего не услышала.

Папа был разносторонне образованным человеком. Хорошо знал философию, необычайно высоко ценил философа Соловьева. В одном из интервью известный священник Александр Мень сказал, что в его жизни было четыре учителя и одним из них он назвал моего отца. Так же он говорил, что в его жизни был период увлечения философией Соловьева, думаю, что это было влияние отца Андрея.

О пьесе Гоголя «Ревизор» отец говорил, что эта пьеса о Боге, о том, что не перед теми мы себя показываем, а Судья придет неожиданно, когда мы не ждем.

Прекрасно отец знал литературу и русскую, и зарубежную, любил поэзию, помнил наизусть великое множество

стихов и очень часто цитировал их в беседах. Говорил так: «Стихов не пишу, но очень люблю и понимаю». Из прозаиков любимым его писателем был Николай Лесков, очень нравилась ему новелла Мопассана «Лунный свет». Любимые его поэты – Пушкин и Лермонтов.

Мне было лет восемь или девять и папа мне рассказывал, что Михаил Юрьевич Лермонтов в стихотворении «В минуту жизни трудную...» не назвал, какую «молитву чудную» твердит он, а вот Александр Сергеевич Пушкин в стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны» передает в стихотворном изложении молитву, которая ему «всех чаще... приходит на уста», а потом спросил, какая молитва у меня любимая. «Христос Воскресе из мертвых...», – ответила я. «А у тебя, папа?».

– «Господи, помилуй мя грешного».

В 1939 году отца арестовали за неуплату налогов, он был приговорен к «принудительным работам», и его отправили на строительство железной дороги под Воркуту. Помню, как мы с мамой через весь город ходили к мужчине, который приехал из места, где отец находился в заключении. Кем он там был – охранником или заключенным – не знаю. Он сказал: «Мертвым я отца Андрея не видел, но вы его живым не ждите. Он весь черный, опух, завшивел, сидит с уголовниками, они его бьют, спит он на полу». На обратном пути мама горько плакала и все повторяла: «Ну, вот я и вдова...».

После окончания школы брат Кирилл устроился актером в Калужский драмтеатр. Профессии актера, а, в последствии, режиссера он посвятил всю свою жизнь.

В октябре 1940 года брата призвали в армию и отпра-

вили служить на Западную Украину, где он и встретил начало войны.

Немцы вошли в Калугу 14 октября 1941 года, на Покров. Папа в лагере, брат на фронте, мама, бабушка и я – в оккупации. Каждый из нас был уверен в гибели остальных. То, что папа в лагере погиб – мы не сомневались, с тем, что Кирилл погиб на Западной Украине в первые же дни войны мы смирились и оплакали его, а папа и брат думали, что нам не выжить в оккупации.

Было мне в то время 13 лет. При немцах мы голодали жутко. Пошел слух, что открыли овощной склад возле рынка и разрешили брать овощи. Народ туда побежал. Мама не хотела меня пускать, но я не послушалась, взяла маленький холщевый мешочек и пошла. Толпа там была такая, что подступиться к овощам я не смогла, тут раздались автоматные очереди, началась паника, люди побежали, и я бегу в этой толпе и вдруг понимаю, что одной калоши у меня на валенке нет. А валенки с калошами у нас с мамой были одни на двоих, без калош на улицу не выйти. Делать нечего – развернулась и с опаской попелась на склад. Смотрю – калоша моя лежит, кругом морковь набросана.

Набрала я в свой мешочек моркови и пошла обратно, а мне навстречу вся в слезах мама бежит, на ногах летние туфли. Немцы стреляли не на складе, а на базарной площади подпольщиков расстреливали.

Были они в Калуге недолго – два с половиной месяца, в последних числах декабря 1941 года город освободили.

Летом сорок второго года в отпуск после контузии приехал брат Кирилл, пришла весточка от отца, что он прячется у добрых людей в Кирове, где он сошел с поезда по дороге

из лагеря в Свердловск (теперь Екатеринбург), куда его направили на поселение.

В Свердловск он не поехал потому, что муж его младшей сестры Елены, кстати, сын того самого дворника Прокопия, который отправлял своему хозяину на второй этаж бутылку в корзине, был там одним из секретарей обкома партии и отец боялся своим появлением навредить их семье.

Хозяйка, у которой мы жили в Калуге, решила продать свой дом и попросила нас съехать. Маме очень хотелось уехать в Ульяновск, где у нее была родня.

Брат Кирилл сначала съездил в Киров, встретился с отцом. То письмо – поздравление с серебряной свадьбой, которое приводится в этой книге, брат привез из Кирова. Рассказывал, что отец был одет в какие-то обноски, а вместо обуви у него подошвы от калош, привязанные к ногам веревками. Потом Кирилл пользуясь своими документами фронтовика, повез бабушку, маму и меня в Ульяновск. Там нас приютила младшая мамина сестра тетя Варя, учительница, муж ее был на фронте. Жили мы все в одной крошечной комнате в коммунальной квартире. На жизнь и в Калуге, и в Ульяновске зарабатывали рукоделием. Бабушка вязала кружевные воротнички и салфетки, мы с мамой делали тряпичных кукол, а по воскресеньям продавали все это на рынке.

В конце сорок второго года, в один из дней, в дверь тети Мариной комнаты раздался стук:

- Кто там? – спросила мама.
- Андрей.
- Какой еще Андрей?
- Ваш Андрей...

Оказалось, что отец в Кирове попал в облаву, сказал следователю, что при переезде к месту поселения отстал от поезда, а обратиться в органы не решился. Ему повезло, что появилось решение Сталина отпустить из заключения священнослужителей, поэтому его отправили к месту нахождения его семьи. То, что семья в Ульяновске, он знал, так как мы писали на адрес женщины, у которой он ночевал в бане и которая его подкармливала.

В Ульяновске в то время находилось в эвакуации все высшее церковное духовенство и, среди них, соученик отца по Духовной Академии Николай Федорович Колчицкий, о котором я знала из рассказов отца и талантами которого отец восхищался.

В январе 1943 года отец уехал в Москву, в храм Воскресения Христова в Сокольниках, настоятелем которого он был до самой смерти.

Летом 1944 года в Москву переехали мама, бабушка и я. Брата к тому времени демобилизовали по состоянию здоровья и он поступил в ГИТИС. Вся семья поселилась на Преображенке, на Страховской улице, в небольшом домике, который отец купил к нашему приезду.

С ранней юности крепкая дружба связала моего отца с Георгием Всеволодовичем Скороходовым. До революции семья Скороходовых жила в Симбирске, а в Сенгилей они приезжали к родственникам. Как-то, во время летнего отдыха, сенгилейская молодежь поставила пьесу «Горе от ума», в которой роль Чацкого исполнил Георгий Скороходов, а роль Фамусова – Андрей Расторгуев. С этой постановки и началась их дружба, которую они сохранили до конца своих дней, несмотря на различия в положении и, наверное, в

*Георгий Всеволодович Скороходов и Андрей Иванович
Расторгуев – от юности до старости рядом*

мировоззрении – Георгий Всеволодович был ведущим работником Госплана СССР. Скороходовы переехали в Москву задолго до войны, в годы лихолетья встречи двух друзей были чрезвычайно редки, а в Москве семьи словно сроднились, и до сих пор душевные нити связывают потомков Георгия Всеволодовича и Андрея Ивановича.

Как-то, гуляя в Сокольническом парке, папа познакомился с Леонидом Ильичом Колтуновым, который тоже жил в Сокольниках. Он стал приходить в храм, крестился и через некоторое время стал работать водителем на церковной машине. Очень быстро Леонид Ильич стал незамеченным помощником отца Андрея по всем хозяйственным вопросам и в храме, и в нашей семье, позднее он перешел на работу в хозяйственный отдел Патриархии.

Сокольнический храм был сложен из красного кирпича и при всей красоте своих форм не выглядел так нарядно, как сейчас. Стараниями отца Андрея и при непосредственном участии Леонида Ильича в конце сороковых годов произошло изменение внешнего облика церкви, был сделан большой внутренний ремонт.

Снаружи храм изменился полностью: светло-голубые стены с нежным оттенком в светлейшую зелень, белые кокошники и белые же окаймления окон и фрагментов стен, серебристо-серые купола и чуть более темный, немного в зелень, главный шатровый купол с золотыми гранями, увенчанный золотой главой, приковывали взгляд и радовали своей красотой. Были заменены кресты на всех главах. Храм сиял над Сокольниками, вселяя в людей веру и надежду, так нужные в тяжелые послевоенные годы. К сожа-

лению, в советское время рядом специально были построены заслоняющие его многоэтажные дома.

С самого своего основания Сокольническая церковь получила в народе имя Кедровской – по фамилии своего строителя и основателя протоиерея Иоанна Кедрова, да и сейчас можно услышать это название от старых москвичей. Стараниями отца Андрея на могиле отца Иоанна был сооружен памятник, венчает который крест, снятый с купола церкви во время ремонта, надпись на памятнике гласит: «От настоятеля и общины Воскресенского храма в Сокольниках незабвенному создателю и строителю Воскресенского храма протоиерею Иоанну Кедрову».

С уважением и почитанием относился мой отец к памяти основателя храма. В кабинете отца в Сокольниках на рабочем столе, на самом видном месте постоянно находился портрет отца Иоанна. Поддерживал отец Андрей добрые отношения и с семьей Кедровых: матушка отца Иоанна была жива и от храма ей выделялась постоянная материальная помощь, сын отца Иоанна – Георгий Иванович был врачом, и когда кто-то в нашей семье болел, его просили приехать, посмотреть больного, визиты его щедро оплачивались.

Папа использовал этот прием – щедро оплачивал работу тем людям, кому он хотел помочь материально, но кто просто так денег не взял бы.

Не забывал отец Андрей и тех, кто помогал нашей семье выжить в тяжелые годы бедствований. Материальная поддержка оказывалась многим, знаю, например, что наша квартирная хозяйка в Калуге получала содержание до самой своей кончины.

Помогал отец Андрей людям много и безотказно.

С глубоким почтением и сыновней любовью относился отец Андрей к почетному настоятелю Сокольнического храма архиепископу Дмитровскому Виталию (Введенскому).

Жил Владыка в храме, в комнате, где сейчас находится церковная лавка, только вход в нее в то время был из притвора.

Умер Владыка Виталий в 1950 году, на пятой неделе Великого Поста, во время службы, при чтении Великого Канона, похоронен на Пятницком кладбище, у стены храма. На могиле стараниями отца Андрея был поставлен памятник, сделана ограда. Все это сохранилось до сих пор.

Существовал при храме бездомный, безногий монах. Из какого он был монастыря, где потерял ноги, в какие годы появился в Сокольнической церкви – я не знаю, но хорошо помню его. Каждое утро он появлялся к открытию храма, пристраивался у стены напротив Чудотворной Иверской Иконы Божией Матери, целый день проводил в молитве, а вечером, после службы, покидал церковь. И так многие годы, каждый день. Ночевал он, где придется.

Папа порой подолгу с ним беседовал. Как-то этот иеромонах Уалент обратился к нему с такими словами: «Я бездомный, близких у меня никого нет, умру – похоронить некому будет. Прошу Вас: когда умру, похороните меня похристиански. Тут вот деньги – люди мне давали, я не просил – шапка моя лежит рядом, люди деньги и кладут. Все это я отдаю на церковь, а Вы уж выполните мою просьбу».

Умер он в конце пятидесятых, или в начале шестидесятых годов – не помню. Папа его просьбу выполнил, похо-

ронил на Преображенском кладбище... Теперь они лежат рядом, в полуметре друг от друга, в соседних оградках.

В той же оградке, где и иеромонах Уалент, похоронены еще две женщины из Сокольнического храма, к сожалению, имен их я не помню.

Совсем молодым помню известного протоиерея Сергия Вишневого – во время учебы в семинарии он был алтарником, жил со своей женой Алечкой в полуподвальной комнатке под церковью. Отец Сергей начал свой пастырский путь в Сокольническом храме, служил рядом с отцом Андреем долгие годы, потом был настоятелем Храма Иконы Божией Матери Знамение на Рижской, Храма Воскресения Словущего в Брюсовом переулке. Именно он поддерживал отца Андрея в последние годы жизни во время болезни, соборовал и причащал его перед кончиной. Ныне отец Сергей – старейший из священнослужителей Русской Православной Церкви – настоятель храма Флора и Лавра, стоящего где-то в лесах под Ярославлем, и широко известен своей отшельнической жизнью.

После переезда в Москву у папы наконец-то появилась возможность обеспечить семью всем необходимым, но сам он при этом оставался совершенно безразличным к материальным благам. Отец любил добротные вещи, но считал, что ему достаточно необходимого минимума.

Семья увеличилась: вышла замуж я, женился брат, появились дети – дом расширили и обустроили.

И здесь к нам приходили фининспекторы. Правда, только описывали вещи, но ничего не забирали. Помню такой эпизод: инспектор составляет опись и при этом извиняется

Андрей Иванович Расторгуев с внучкой Машей

за то, что он это делает, поясняет: “Такая уж у меня работа”. Папа ему отвечает: «Делайте свое дело. Я делаю свое дело и не стыжусь своей работы – могу сказать с гордостью везде и всегда – я православный священник».

В мае 1963 года дом пошел под снос. Как же плакала мама – ведь это было первое за всю ее жизнь собственное жилье. Сейчас в этом квартале находится медицинский центр «Пангея», но непосредственно то место, где стоял наш дом – заасфальтированная площадка во дворе клиники.

Нам дали две двухкомнатные квартиры в пятиэтажке в Измайлово в одном подъезде, одну на первом этаже – в ней поселились родители с внучкой и сыном; другую на пятом – для моей семьи.

Домой папа приезжал ежедневно обедать, а ночевал он в своем кабинете при храме. Когда заходишь в ограду сокольнической церкви, сразу же можно увидеть два полуподвальных окошка, за углом вход в бывший папин кабинет. Сначала при церкви была легковая машина, был водитель, но в середине 60-х годов храмам запретили иметь транспорт. Папа ежедневно ездил из Сокольников в Измайлово на автобусе.

Как-то приезжает домой вечером, объясняет, что к нему обратились мужчина и женщина с просьбой где-нибудь переночевать. Он пустил их в свой кабинет, а сам поехал домой. Мы забеспокоились, что это могут быть воры, ведь в его кабинете находились ценные вещи, но он пожал плечами: «Как Богу будет угодно, я не мог им отказать». Все обошлось. Вообще, фраза «как Богу будет угодно» была одной из наиболее часто повторяемых отцом.

И в пожилые годы папа обладал прекрасной памятью – без затруднения называл день и месяц Пасхи за любой год своего служения.

В последние два года жизни память стала изменять ему, он уже не служил и все время находился дома. Негативную роль в ухудшении его здоровья сыграли кляузы, которые сочиняли и направляли в разные инстанции две работницы церкви.

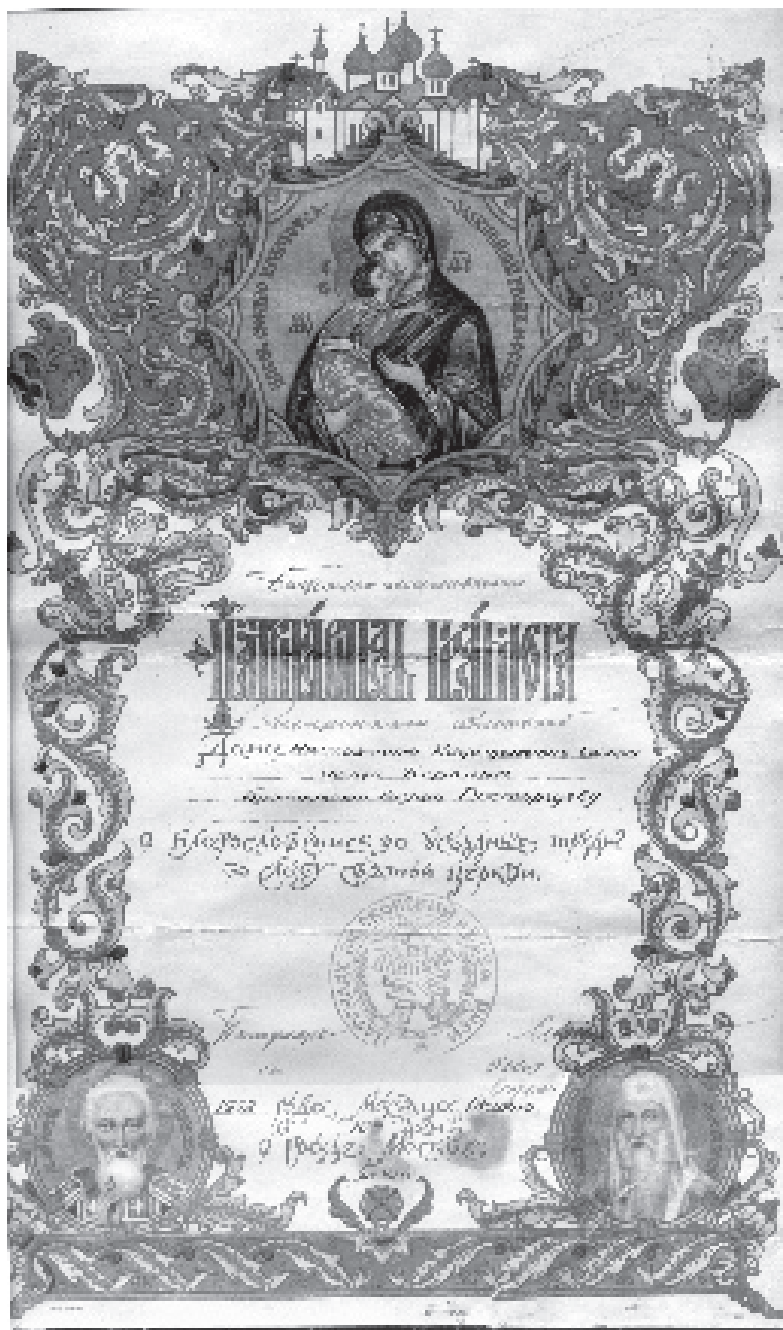
До самой смерти отец числился настоятелем Сокольнического храма, а действующим настоятелем во время его болезни был протоиерей Павел Соколовский.

В конце жизни родителей снова настала теснота – они жили в крохотной комнате с шестнадцатилетней внучкой Машей – дочерью Кирилла от первого брака, которую вырастили с рождения, а в другой комнате жил брат с новой женой и дочерью.

Накопительство отец считал одним из самых больших грехов. После своей смерти он не оставил денег, ценные вещи – подарки, которые папа получал на именины, очень быстро распродал мой брат, и мама осталась с тридцатирублевой пенсией, которую ей назначила Патриархия.

Пережила она своего мужа на три года и очень сильно по нему горевала. «Как не плакать, как не горевать – говорила она – ведь за всю жизнь он на меня голоса не повысил, душой никогда не назвал, а все только Катенька, Катенька...».

О жизни и смерти отец говорил так: «Я живу, несу свой крест, который мне Бог дал, несу с терпением и любовью, но если мне Господь пошлет смерть, то я приму ее, как Божий дар, с радостью».

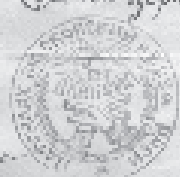

Свѣдѣніе о вѣнчаніи

ВѢНЧАНИЕ

Аще кто изъ насъ или кто изъ насъ
хочетъ вѣнчати
Свѣдѣніе о вѣнчаніи

Свѣдѣніе о вѣнчаніи
до вѣнчанія

Свѣдѣніе о вѣнчаніи
до вѣнчанія

В нашем доме иногда останавливался иногородний дальний родственник, адвентист, который начинал стращать отца тем, что за “неправильную веру” тот попадет в ад, на что отец Андрей отвечал: «Ну что же, если такова будет Божья воля... Но и в аду я буду славить Господа».

В течение нескольких лет – с 1951 по 1954 год – отец Андрей нес послушание в Берлинской епархии, являясь сначала проповедником, а затем настоятелем Кафедрального Собора Воскресения Христова в Западном Берлине.

В 2012 году моя дочь несколько дней находилась в Берлине, пришла в этот храм, подошла к настоятелю, сказала, что она внучка когда-то служившего здесь отца Андрея.

«Мы знаем, что отец Андрей здесь служил, помним о нем. Посмотрите, какую память он нам о себе оставил» - и отец настоятель подвел Наташу к Голгофе. На оборотной стороне креста прикреплена табличка: «Дар Храму Воскресения Христова в Берлине от Сокольнического Храма Воскресения Христова в Москве».

Отца Андрея помнят в далеком Берлине, его помнят в Сокольническом храме – спасибо настоятелю отцу Александру, и дай Бог, чтобы мы, его потомки, не забывали о нем и рассказывали своим детям о замечательных людях – протоиерее Андрее и его супруге Екатерине Петровне.

Вот, мои дорогие, и все, что я с любовью ко всем вам, живущим ныне, и тем, кто появится потом, хотела рассказать о самых дорогих моему сердцу людях. А записала мои воспоминания племянница, дочь моего брата Кирилла, Мария.

СОДЕРЖАНИЕ

Отцу	7
Матери	9
Сенгилей	10
Отцу	11
Посвящается бабушке и дедушке Петровским	13
Без названия	16
Лампада	20
Молитва	21
Храм в Сокольниках	22
Запрещенная елка – 1931 год	24
Рождество	26
В ожидании Пасхи	27
Пасха Христова	30
Серафимо-Знаменский скит	31
После посещения скита	33
В Риме у Собора Святого Петра	34
В ожидании смерти	36
Посвящается моему отцу	38
О войне	39
Великая победа	40
Пусть проходят года	41
Лореляй	42
Больной мальчик	43
С. К.	44
С. К.	45
С. К.	46
К тебе (С.К.)	47
К. С.	48
Дочерям	49
Мужу Геннадию Дмитриевичу	50
Новые рифмы	51
Подражание Блоку	52

А.П. Чехову	53
А.С. Пушкину	54
Зинаиде Павловне Смирновой в день 60-летия	55
Вечерний романс	57
Еще раз про любовь	58
Четверостишие	59
Осень	60
Мне хорошо когда...	61
Я ключ от счастья отдала	62
Упадническое	63
Русский романс	65
Масленица	66
Бессонница	67
Что хотят видеть в старости глаза	68
Празднование Дня Славянской письменности и культуры	69
Весна в старости	70
Из кладовой памяти	71

Мария Андреевна Расторгуева

СТИХИ
ВОСПОМИНАНИЯ